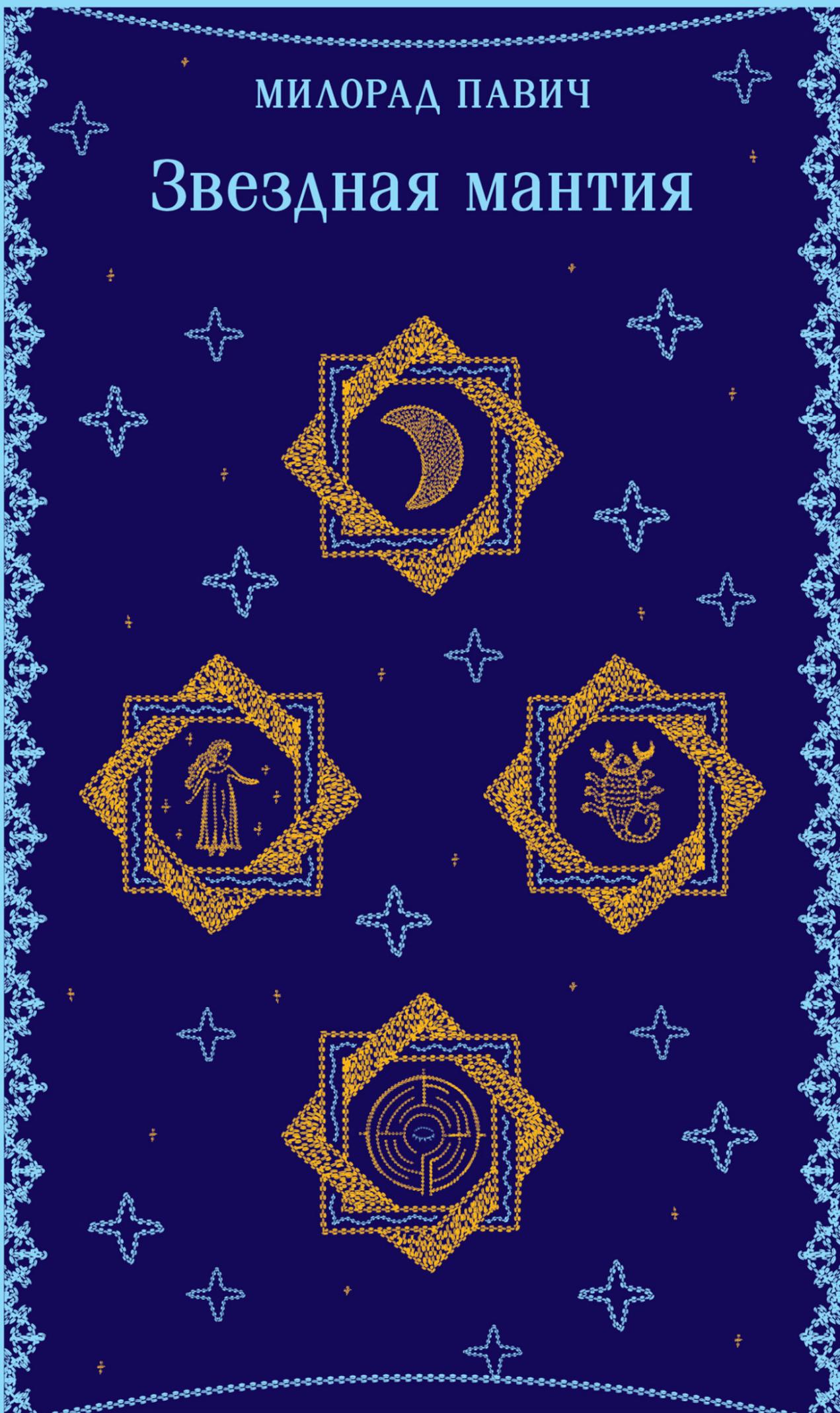

МИЛОРАД ПАВИЧ

Звездная мантия

Магистраль. Балканская коллекция

Милорад Павич

Звездная мантия

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.163.41-31
ББК 84(4Югс)-44

Павич М.

Звездная мантия / М. Павич — «Эксмо», 2011 — (Магистраль.
Балканская коллекция)

ISBN 978-5-04-199677-2

Милорад Павич – знаковый сербский писатель, в произведениях которого магический реализм переплетается с гипертекстуальностью, позволяющей читателю влиять на сюжет. Роман «Звездная мантия» – это путеводитель по знакам Зодиака и путешествие сквозь время и пространство. Главная героиня однажды обнаруживает, что стоит ей заснуть, как она перерождается в новом воплощении под знаком другого созвездия. Она становилась девушкой из Средневековья, влюбленной по уши в парня-Водолея и собирающейся кого-то убить. Была женщиной из XX века, у которой имелся враг в XVIII веке, родившийся под знаком Стрельца и крадущий ее время и молодость. Оказывалась под бомбардировкой Югославии, страдая от любви к Тельцу, забывшего, как ее зовут... Переносясь по страницам справочника зодиакальных созвездий, вам предстоит определить судьбу героини: вернуть ей имя и воссоединить влюбленных или, ничего не предприняв, оставить их разбитыми посреди войны.

УДК 821.163.41-31

ББК 84(4Югс)-44

ISBN 978-5-04-199677-2

© Павич М., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Предисловие	9
Лев и рак	11
ЛЕВ	11
РАК	17
Скорпион и водолей	20
Скорпион	20
Водолей	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Милорад Павич
Звездная мантия. Астрологический
справочник для непосвященных

Milorad Pavić
ZVEZDANI PLAŠT

© Jasmina Mihajlović, 2011 + www.khazars.com

© Савельева Л. А., перевод на русский, 2024

© Издание на русском языке. Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

> МАГИСТРАЛЬ >

МИЛОРАД ПАВИЧ

Звездная мантия

Москва
2024

Нужно вовремя открыть свое прошлое, ведь у него тоже есть свой срок годности и он может истечь...

Архондула Нехама

Предисловие

Однажды утром я проснулась от чувства того, что стала внучкой своей души. Знак, под которым я родилась, больше не был моим прежним знаком. Кроме того, я проснулась в незнакомой мне постели и в чужом языке, похожем на русский. На этом языке я сейчас и пишу эти слова. Живу я в парижском XVIII арондисмане, стригусь наголо и душусь духами Black Bulgari unisex. Мой родной язык французский, родилась я под знаком Рака. Я заснула в одном из парижских отелей вместе со своим любовником и видела во сне какую-то воду, стоявшую надо мной, а проснулась в XV веке, не зная ни слова по-французски. Сейчас я говорю на странном языке, которым пользуются рыбаки на какой-то огромной реке. Зовут меня Филиппа Авранезович, мне пятнадцать лет, и я собираюсь кого-то убить. Мой знак зодиака теперь не Рак, а Скорпион, и любовник не тот, родившийся под знаком Льва, из Парижа, а совсем другой – я по уши влюблена в парня-Водолея. Он носит на фаллосе большущий перстень с печаткой, с ним я второй раз потеряла невинность...

Я боюсь заснуть, потому что меня ужасает неизвестность того, где я могу проснуться на следующее утро... То, что здесь написано, я пишу, чтобы зафиксировать хоть что-то из моей прежней жизни, ведь я даже не помню своего французского имени. Знаю только, что оно было первым и подлинным. Возможно, некто в Париже под знаком Рака, кто продолжает мою тамошнюю жизнь, по-прежнему носит это имя, пока я влачу существование здесь.

* * *

Рано или поздно все равно засыпаешь. Как я ни боялась, случалось заснуть и мне. При чем не раз. И теперь я знаю, с чем имею дело. Я нахожусь на дне своих снов, которые, как русские матрешки, помещены один в другой. А я потихоньку стараюсь выбраться на поверхность. Из меньших снов в более крупные. Мучительно пробиваюсь из красной матрешки в синюю, из синей – в желтую... Из внучки превращаюсь в правнучку своей души.

Второе пробуждение выбросило меня в конец прошлого, XX века, в самый разгар какой-то войны. И первой моей мыслью было: а не случится ли так, что, просыпаясь каждый следующий раз, я снова буду терять невинность? Однако ничего такого не произошло. На сей раз я проснулась мужчиной, родившимся под знаком Козерога. Я была или лучше – я был влюблен в женщину с зеленым взглядом по имени Далона. Я ехал куда-то с компанией цыган-трубачей. Знаком Далоны был Овен. Ее глаза походили на два желчных пузыря. Я лишил ее невинности, воспользовавшись опытом собственного любовника из предыдущей «матрешки».

После третьего пробуждения я снова оказалась женщиной и снова была брошена в XX век. Я носила перчатки, в одну из которых были вшиты часы. Откликалась на имя Теодора. И спрашивала самое себя, то ли моя душа несет меня сквозь шесть затмений, то ли я несу ее. Я родилась под знаком Рыб и состояла в переписке со своим бывшим преподавателем, однако это была не любовная переписка. У меня имелся враг в XVIII веке, родившийся под знаком Стрельца.

Четвертое пробуждение переместило меня в новый язык – греческий, притом что из детства у меня остались некоторые познания в иврите. Родилась я под знаком Девы, имя мое было Архондула Нехама, я умела играть на фортепиано, однако не любила этого. Я снова была *virgo intacta* и впервые занималась любовью на какой-то яхте с человеком, родившимся под знаком Близнацев.

Последнее (на данный момент) пробуждение принесло мне рождение под знаком Весов, неразделенную любовь и бесконечные предсказания, которые всегда оставались несбывши-

мися. Мой любовник (родившийся под знаком Тельца) не знал, как меня зовут. В детстве меня учили целовать хлеб, если он упал на землю. Звали меня Дионисией, и я чуть не погибла от какой-то бомбы...

* * *

Я больше не знаю, кто я такая и есть ли вне моего последнего пробуждения еще и другие, новые? Сколько этих «русских матрешек» и языков, куда я заключена? Под сколькими знаками родилась? И что будет за пределами последней «матрешки»? Есть ли еще какие-то знаки зодиака, кроме тех, что нам известны? Не знаю, но мне кажется, что из всех моих пробуждений чему-то я все-таки научилась. Сколько бы миров ни существовало, вечно только одно – радость...

Эта книга – астрологическое руководство для непосвященных, таких, какой была и я сама до первого «пробуждения». Своего рода путеводитель по моим предыдущим жизням. Моя автобиография хором.

Лев и рак

ЛЕВ

– В жизни все дело сводится к тому, есть у тебя дома золотая ложка или ее нет, – любил говорить один мой школьный товарищ.

Я же, со своей стороны, скажу вам, что это не совсем так. И жизнь, и деньги откатываются от меня, как волна от берега, несмотря на то, что я родился под знаком Льва, что моей судьбой управляет Солнце и что в нашей скромной профессорской семье имелась золотая ложка, унаследованная от предков. Она принадлежала моему деду Николе, инициалы которого я носила, затем досталась одному из моих дядьев и, наконец, мне. И она не была похожа на ложку из русской поговорки, которой уплетают икру. Наша ложка была заостренной, один ее край был остро заточен, так что в случае необходимости ее можно было использовать вместо ножа. У нее, как у курительных трубок из морской пенки, имелся кожаный футляр с латунной кнопкой. И она десятилетиями лежала в одном из выдвижных ящичков.

Перед последней войной, когда услуги ювелиров в Белграде еще пользовались спросом, я отнес ложку к одному из них. Нужно было обновить стершуюся монограмму. После того как дело было сделано, я не вернул ложку на ее обычное место. Я решил ею пользоваться. Не исключено, что я просто предчувствовал те страшные беды, которые вскоре должны были обрушиться на нас, и неосознанно захотел постоянно иметь этот золотой предмет при себе. В одном кармане я держал футляр с трубкой, а в другом – с ложкой. И всегда использовал ее, когда заходил куда-нибудь поесть, неизменно вызывая изумление официантов и посетителей. Как раз тогда я начал углубляться, если можно так выразиться, в дебри жизни, а, как говорят русские, чем дальше в лес, тем больше дров. В тот год мне исполнилось двадцать шесть, и я перестал читать книги. Кроме одной. Она была опубликована в 1892 году на немецком языке и называлась «Звездная мантия императора Генриха Второго»...

Вернемся, однако, к моей истории. У того самого ювелира, который занимался моей ложкой, я увидел исключительно красивый сейф австрийской работы конца XIX века. Он был цвета слоновой кости и весил почти тонну. Замок по-прежнему работал отлично. На мой вопрос, как к нему попала эта вещь, ювелир ответил, что скупка и перепродажа старых сейфов – это его страсть. Я побывал в его роскошном старинном особняке на Сеняке, где он показал мне три сейфа разных возрастов и размеров. Дверцы двух из них были распахнуты настежь, так что были видны их обитые бархатом внутренние стенки, третий сейф был закрыт. На его дверце было изображено большое золотое солнце.

– А что в этом, третьем? – спросил я.

– Этого никто не знает. Замок закрыт.

– Почему вы его не откроете?

Подволакивая ноги, так что на земле остался след в виде креста, ювелир отступил в сторону и сказал:

– Вы шутите? Этот сейф куплен без ключа, без ключа он и продается.

– Сколько он стоит?

– Столько же, сколько и другие.

– Не слишком ли для сейфа, от которого нет ключа? – спросил я, и он в ответ ухмыльнулся.

– Вовсе нет, – сказал он. – Подумайте сами, что обычно прячут в сейфе? Ведь вместе с сейфом вы получаете тайну. И кто может знать, что это за тайна...

– Беру! – воскликнул я, тут же расплатился и забрал сейф. Раздобыв динамит, я взорвал замок. Внутри было серебряное колечко с рубином и еще два предмета, которые существенным образом изменили мою судьбу...

Кроме колечка я нашел в сейфе металлическую пластину и миниатюрную книгу в окладе из панциря белой черепахи. На пластине была выгравирована часть неба с созвездиями Льва и Рака. Возле каждой из звезд греческими письменами было обозначено слово, представлявшее собой, по всей видимости, название звезды, однако названия эти были вовсе не теми, общепринятыми, которые я давно знал. Похоже, что здесь я столкнулся с тайными альтернативными греческими именами звезд.

Книга в окладе из панциря черепахи была старой церковной рукописью, украшенной красными буквицами...

Женское колечко я надел на трубку, книгу поставил в свою библиотеку, а пластину носил с собой и время от времени рассматривал, обычно когда садился курить.

– Не содержится ли здесь какого-нибудь сообщения? – задавал я вопрос самому себе.

Несколько дней спустя мне вдруг пришло в голову, что названия звезд можно воспринимать как слова, из которых строится фраза. В таком случае небо становится своего рода букварем, пользуясь которым можно из звездных имен составить и прочесть какое-то послание. Но как? Я был совершенно несведущ в небесной азбуке.

Тем не менее мне удалось без труда вспомнить, что означает знак Льва, созвездие которого было изображено на одной стороне пластины.

Лев – это пятый знак зодиака, и я родился именно под этим знаком. Он соответствует второму летнему лунному месяцу: с 22 июля по 23 августа. Этой группой звезд управляет Солнце. Лев относится к стихии Огня, это мужской, позитивный и активный знак, ему свойственна устойчивость. Главная звезда его созвездия – Регул, королевская белая звезда, в два раза больше Солнца... Девиз этого созвездия таков: «Кто тебя вразумит и одарит способностью видеть небо, ход Солнца и рассматривать многие звезды и во всем этом, как в некоем многоцветии, усматривать дивную связь и разумное устройство? А ты против меня готовишь силки и сети».

Имея в виду, что уже одно только это достаточно загадочно, я поставил перед собой вопрос, каким образом и с какого края неба следует начать? От пасти, как будто Лев заглатывает имена звезд? Я попытался складывать текст, пользуясь словарем классического греческого языка. Ничего не вышло. Тогда я решил поступить наоборот, начать со звезды, которая сейчас называется Rηegda и находится в хвосте Льва. Ее тайное греческое имя на пластине было Эпиманика, что означает «браслеты священника». Но из этого тоже ничего не получилось.

Тогда я попробовал обратиться к книге. Текст прочитать я не смог, он был написан церковной кириллицей на древнем книжном языке, который теперь не употребляется. Единственное, что мне удалось разобрать, были три записи на полях книги, сделанные, по-видимому, ее последними владельцами. Самая поздняя из них гласила: «Прочитал крест-накрест Миливое Илич, февраля первого, 1892». Вторая запись была сделана женской рукой: «Крестообразно исчитала 28 августа 862 года. Евангелина Исид, живописец». Третья запись оказалась самой

длинной: «Вычитал дважды крестом и западно и отыскал все кресты подпоручик Алекса Вуич на Богоявление 67 года».

Ничего не поняв и в этом, я отнес книгу одному своему другу, который работал в архиве. С первого же взгляда он определил, что перед нами один из ранних списков текста Деспота Стефана Лазаревича (1427). В книжечке наряду с его «Словом любви» было и еще что-то, похожее на свод законов. Заканчивалась рукопись каким-то переводом с греческого.

– А что означают эти записи? – спросил я его.

Он внимательно прочитал их и объяснил мне следующее. Есть разные способы читать книги. Некоторые из них – тайные. К ним, в частности, относится и «расчитывание» или чтение «крест-накрест» (иногда это называется и чтением «по знакам»). Книга, которая выглядит так же, как любая другая, иногда скрывает в себе тайное послание, которое можно разгадать крестообразным прочтением. Это означает, что на странице следует прочесть среднее слово сначала верхней строки, затем нижней, а после этого первое и последнее слово средней строки. Так получается крест. Есть мастера чтения «крест-накрест», которые могут таким способом очень быстро пролететь по всей книге. И если вот так, взглядом, перекрестить каждую страницу, поймешь скрытое послание, которое в своей книге хотел передать автор. Если он унес его с собой в могилу, нужно искать дальше, пока не найдешь другое тайное послание в другой книге...

Произнеся эти слова, мой знакомый засмеялся, а я про себя подумал: «Смейся, смейся, я найду».

За дело я взялся серьезно, и клубок начал разматываться. Сев за «кресточтение», я пролистал всю книгу, выписывая слова, составлявшие крест. Получился следующий текст:

«Тот, что в (священнических) браслетах, знает, что среди человеческих снов есть Сон гораздо более важный, чем все те, которые приснились и не приснились до сих пор на Земле. Это самый старый и единственный действительно значимый сон. Этот Прасон называется "Восьмой мост". Он представляет собой груду камней, несколько наваленных бревен и рядом с ними ручей...»

Вот что я смог вычитать из первой части рукописи. Вторая часть (та, где речь шла о рудниках) содержала следующее сообщение:

«Камни и бревна держит в воздухе не земное, а небесное притяжение. Они парят над землей, так что любой из них можно переместить, не обрушив при этом остальные. Под ручьем можно пройти, как под мостом. Это и есть тот самый Восьмой мост, который связывает Небо и Землю. Он давно разрушен и существует только во снах людей.

Чуть дальше ручей превращается в водопад, но вода здесь падает не вниз, а вверх, к Небу и звездам. По этой воде, как по мосту, можно перейти с Неба на Землю. Тот, кому приснится этот сон, пусть поднимет руку, пусть зачерпнет во сне немного той воды и ею напьется. И тогда он сможет спуститься. Сможет вернуться с Неба на Землю».

И наконец, из перевода с греческого при чтении «крест-накрест» я узнал следующее:

«Мало кому дано увидеть Сон всех снов, Сон надо всеми снами, но и им не ранее того, как будет подан знак».

Тайные послания много дней и недель не выходили у меня из головы. Никогда раньше не снился мне Сон всех снов, описанный в книге и вписанный между звездами, а теперь мне стало казаться, что, может быть, я смогу его увидеть. Однако вместо него мне пару раз при-

снился какой-то парк за воротами из кованого железа и в парке, на белой скамье, бритая наголо девушка, надушенная духами unisex Black Bvlgari.

– Значит, пока ничего, – заключил я.

Тем не менее я начал жить более осторожно, стараясь не упустить какой бы то ни было знак, который указывал бы мне на приближение Сна. Или, по крайней мере, на такой поступок или поведение, которые способствовали бы моему приближению к Сну. Как-то раз я зашел в «Три шляпы». Сел на свое любимое место у окна, откуда была видна булыжная мостовая Скадарлии, достал трубку, золотую ложку положил рядом с тарелкой. Заказал фасоль с копченой грудинкой и салат, заправленный чаем. При этом я все время невольно поглядывал через окно ресторанчика на улицу. Непонятно, почему мне вдруг показалось, что сижу я вовсе не в Белграде, а ем заказанную фасоль где-то в Шабаче. В очередной раз бросив взгляд наружу, я готов был поклясться, что за занавесками проглядывает площадь перед шабачкой церковью. И, сколько бы раз ни смотрел в окно, я ясно видел одно и то же: Скадарлии и ее мостовой не было и в помине, передо мной открывался вид на залитые солнцем площадь и церковь в Шабаче. Когда все вернулось на свои места, я вышел из ресторанчика, прошел по скадарлийской мостовой и вернулся к себе домой. Вечером я лежал, обдумывая случившееся, и слушал, как удары стенных часов отстают от ударов моего сердца.

«Да, тут не обошлось без какой-то чертовщины, – подумал я наутро. – Придется брать дело в свои руки».

Я сел в машину и отправился в Шабач. В ресторане на площади заказал фасоль с копченой грудинкой и салат, заправленный чаем. Достал золотую ложку и принялся за еду. Посреди обеда я вдруг бросил взгляд в окно и окаменел. Снаружи, там, где должна была быть местная площадь, я увидел какую-то реку, а на месте церкви мост. Мост был прекрасно виден. И он даже показался мне знакомым. Перед мостом, как это обычно и бывает, стоял дорожный указатель. Но не на сербском, а на немецком языке. И тут меня осенило:

– Так это же Гейдельберг! Ведь я здесь когда-то учился!

Даже теперь не могу вспомнить, как я добрался из Шабача домой, в Белград, и когда и как решил поехать в Гейдельберг. Тогда еще летали самолеты и все было совсем не так, как сейчас, когда на вопрос: «Как дела?» – тебе могут ответить, что спрашивать такое бестактно, или вообще отбрызнуть: «Сегодня лучше, чем будет завтра!»

В Гейдельберге у меня была одна приятельница, и, когда я ей позвонил, мы договорились встретиться в ресторанчике «У моста». Я пришел туда несколько раньше назначенного времени, потому что она обещала присоединиться ко мне после ужина. Я уселся возле того самого всем известного окна, в котором один из знаменитых гейдельбергских профессоров, не помню точно кто, кажется, это был какой-то русский по фамилии Чижевский, однажды увидел дьявола. Позже он всегда видел его в этом окне и даже показывал коллегам, которые сидели с ним вместе, но никогда там не замечали ничего похожего. Я вытащил из карманов трубку и золотую ложку, потом открыл меню. Раскурил трубку, колечко с рубином зазвенело, как бубенец.

«Прямо как на ипподроме», – подумал я. И принялся выбирать, на какую лошадь поставить. Начать с чечевицы в глиняном горшочке, которую здесь готовят просто превосходно, я не решился. И, разумеется, спросил фасоль с копченой грудинкой и салат, заправленный чаем. Ведь ради этого я сюда и приехал. Сижу ужинаю, посматриваю в окно. Там по-прежнему виден

гейдельбергский каменный мост. Тут до меня начинает доходить, что на этот раз я, кажется, промахнулся.

«Что еще за чудеса навыворот? – подумал я. – Выходит, нечего было ехать в такую даль. Эта фасоль мне дорого обойдется».

Тут вместо дьявола в окне мелькнула моя приятельница, через секунду она уже сидела рядом со мной, запыхавшаяся, с чуть-чуть улыбки на губах и чуть-чуть ветра в слезах. На шее у нее висели изумительной красоты мужские карманные часы.

– Какие у тебя красивые часы, – обратился я к ней.

– Хочешь – возьми, – предложила она, открыла крышку и напудрила нос. Это была пудреница, которая выглядела как часы. – А у тебя красивое кольцо на трубке, – продолжила она.

– Хочешь – возьми.

– Нет. Если бы ты собирался мне его подарить, то не стал бы ждать, пока я скажу то, что сказала.

Она поцеловала меня пахнущими дымом губами, мы заказали пиво, и я принялся описывать ей свои беды. Те, что были связаны с окнами. Но про книгу умолчал. Рассказав ей обо всех этапах путешествия – от ювелира до Скадарлии, от Скадарлии до Шабаца и от Шабаца до Гейдельберга, – я не удержался от комментария:

– То, что происходит со мной и со всеми этими окнами, не имеет никакого смысла.

Она расхохоталась и сказала:

– То, что происходит с тобой, объясняется предельно просто. Это так же просто, как *Serbische Bohnensuppe*. Давай посмотрим с точки зрения теологии. Дьявол – это прошлое и, кроме того, разумеется, актуальная реальность человечества. Единственное, где его нет, – это в будущем. Там один только Бог. В будущее дьявола вводит человек, постепенно, шаг за шагом. Если через это окно можно увидеть дьявола, то есть прошлое, и, что теперь уже стало нормальным, настоящее, то почему же при определенных обстоятельствах нельзя увидеть и будущее? Я думаю, что через окна, о которых ты рассказывал, ты видишь свое будущее. Что же касается смысла, то неужели ты настолько глуп и надеешься, что будущее имеет какой-то смысл. Давай лучше пойдем отсюда...

В ту ночь, лежа возле своей подружки, я снова увидел во сне какой-то парк за воротами из кованого железа и в парке на белой скамье бритую наголо девушку, надушенную духами *unisex Black Bvlgari*.

На следующий день, пока моя приятельница была на работе, я слонялся по Гейдельбергу, убивая время до поезда, на котором собирался вернуться домой. Я поднялся к дворцу, потом отправился вниз пообедать в ресторане «У моста».

И тут произошло настоящее чудо. Я вдруг вспомнил, что и в Белграде, и в Шабаце заказывал фасоль вовсе не на ужин, а на обед. Днем, а не вечером. Так что я снова попросил принести мне фасоль с копченой грудинкой и салат, заправленный чаем. То же самое, что и в начале пути, в ресторанчике «Три шляпы». Стоило мне прикоснуться к еде, как мост за окном исчез, пропала река, и я почувствовал, что блюдо, которое я ем, называется вовсе не *Serbische Bohnensuppe, à la faséole*, и сижу я не в Гейдельберге, а где-то во Франции. Через окно был хорошо виден парк за красивыми воротами из позолоченного кованого железа. Он весь был залит солнцем. И тут, если можно так выразиться, наяву, я сразу же узнал, что это за парк и где он находится. Это был парк Монсеау в парижском XVIII арондисмане...

У меня не было времени попрощаться с моей приятельницей, потому что откуда мне было знать, в каком ритме тикает время в тех ресторанных блюдах, которые являются горючим, приводящим в движение мотор будущего. Поэтому я спешил. И именно поэтому заскочил в магазинчик, где продавали крохотные игрушки из хрусталя. Я купил одного стеклянного льва с зелеными глазами, индейца с пером, прозрачного буйвола и двух крылатых Эросов. Все это я положил в джутовый кисет и оставил в квартире своей подружки. Если расположить эти

фигурки в правильном порядке, то по этим стекляшкам можно прочитать любовное признание на ее родном языке: «Liebe».

Днем позже я уже был в Париже и сразу же снял в XVIII арондисмане комнату, оклеенную синими обоями с золотыми розами. После этого я помчался в расположенный поблизости парк Монсеау, но он в тот день оказался закрыт. Пришлось мне прийти туда еще раз. На следующий день я избежал сделанной однажды ошибки и заказал фасоль в ближайшем к парку кафе не на ужин, а днем, на обед. Итак, я сидел в парижском кафе неподалеку от парка Монсеау, ел золотой фамильной ложкой фасоль и заправленный чаем салат и нетерпеливо поглядывал за окно. Но там по-прежнему находился вышеупомянутый парк, а вокруг него лежал, купаясь в солнечном свете, парижский XVIII арондисман. И только после того как я наконец-то вошел в парк и двинулся по главной аллее, мне стало ясно, что мое предприятие потерпело крах. В парке Монсеау ничего не произошло. Ни в этот день, ни на завтра. Ровным счетом ничего такого, что хоть как-то походило бы на какой-нибудь знак, предвестие, знамение или, по крайней мере, предупреждение о том, что Сон всех снов приближается. Несколько следующих дней я просидел в том же кафе, поедая фасоль и салат, заправленный чаем, а потом и все остальное, что значилось в меню. Безрезультатно. За окном кафе виднелось только то, что там, за окном, в действительности и находилось, то есть тот же самый парк.

Потеряв всякую надежду и оставшись без денег, я продал фамильную золотую ложку, вошел в этот проклятый парк и сел на одну из белых скамеек, не представляя себе, что делать дальше. Мой путь окончился тупиком. Все потеряло смысл. Я уперся локтями в колени, сложил перед лицом ладони, как во время молитвы, и засунул оба указательных пальца в нос. Неужели все это мне просто пригрезилось?

РАК

Действующие лица:

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША в ходе разговора достает курительную трубку и раскуривает ее. На трубку надето женское кольцо с рубином.

ПОЖИЛОЙ ГОСПОДИН с подстриженной серпом бородой и седыми волосами цвета лунного света. Лицо у него в едва заметных оспинах.

ДЕВУШКА острижена наголо, ее запах Black Bvlgari unisex.

Действие происходит в парижском парке Монсеау и в ближайшем к нему отеле. В парке на белой скамье сидит очень красивый юноша. Он уперся локтями в колени, ладони сложил перед лицом, как во время молитвы, а оба указательных пальца засунул в нос. По дорожке идут девушка и пожилой господин, они замечают его, проходя мимо, перешептываются, затем возвращаются, пожилой господин снимает шляпу, и они садятся рядом с юношей.

ДЕВУШКА

Позвольте представиться. Этот господин – писатель, иностранец, он ни слова не понимает по-французски, я его переводчица. Правда...

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША

Правда?

ДЕВУШКА (*нерешительно, застеснявшись*)

Правда, скажу вам по секрету, поговаривают, что он просто переписывает чужие романы. Но я в это не верю. Я верю в него. Этот господин делает для меня очень много, без этого я бы просто пропала в этом мире, где все так стремительно летит куда-то вперед. А я, я люблю иногда и возвращаться. Господин хотел бы обратиться к вам с одной просьбой.

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША

Да?

ДЕВУШКА

Нет, нет, вы не поняли! Мы с господином вовсе не любовники.

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША

Нет?

ДЕВУШКА

Нет! Между нами существует нечто вроде приливов и отливов взаимной притягательности, но не более того. Любой прилив тут же сводится на нет отливом. Все дело в этом-то и заключается! Кто вы по знаку?

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША

Лев.

ДЕВУШКА

Вы не из нашей истории, но могли бы нам помочь.

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША

Где?

ДЕВУШКА

Где – это не проблема. Проблема – как.

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША

Вот так? А вы кто по знаку?

ДЕВУШКА

Рак.

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША

Саргер. Ректосценция альфа: 09 h, граничное значение 7×55 м – 9×20 м, деклинация дельта, среднее значение +20. Знак самой чистой воды. Четвертый по порядку среди знаков зодиака. Это в первом летнем лунном месяце, точнее, с 21 июня до 22 июля. Здесь господствует Луна. То есть вы – знак стихии Воды, женский, пассивный и кардинальный знак. Ваше любимое растение – кувшинка. Ваше зодиакальное созвездие находится к северу от небесного экватора... Девиз этого созвездия: «Как щедрое дерево плодоносное и родной сад господский, корень она девичий и ствол. Все узлы хитросплетенные в руке ее, глазами запутывает пути юношам. Но земля ты, не вода и быстрое вино...»

ПОЖИЛОЙ ГОСПОДИН (*аплодирует*)

Браво! (*Долго что-то шепчет на ухо девушке, и она, тоже на ухо и быстро, переводит его слова очень красивому юноше.*)

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША

Я вас, а вы его? И притом одновременно? Нет.

Девушка опять получает шепотом инструкцию, которую шепотом же сообщает юноше.

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША

Он вас, а вы меня? Не-е-ет.

ДЕВУШКА (*выслушивает следующее предложение шепотом и громко отвечает пожилому господину*).

Не может быть и речи!

Пожилый господин снова ей что-то шепчет, она хочет прошептать перевод на ухо очень красивому юноше, но он успевает раньше.

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША

Да знаю, знаю. Я вас, а он меня. Или я и вас и его! Не может быть и речи!

ДЕВУШКА (*новое предложение шепотом, которое она переводит*).

Господин предлагает: я его, а он вас.

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША

А что, если он и вас и меня?

ДЕВУШКА (*растерянно переводит. Пожилой господин аплодирует и шепчет ответ, который девушка переводит*).

А нет ли у молодого человека еще какой-нибудь комбинации?

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША

Есть.

ДЕВУШКА

Какая же?

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША

Вы принимаете от меня в качестве компенсации за ваши труды с этим господином небольшой подарок. Я хочу дать вам это кольцо с моей трубки.

ДЕВУШКА

Кольцо? Мне?.. Догадываюсь, что придется делать!

Юноша надевает ей на палец кольцо с рубином и что-то шепчет на ухо. Она смущенно и медленно встает со скамейки и идет по дорожке к выходу из парка. На скамье остаются пожилой господин и очень красивый юноша. Мгновение неопределенности. Юноша тоже встает, снимает в знак приветствия шляпу. Он присоединяется к девушке, берет ее под руку, и они уходят вместе, оставляя пожилого господина на скамейке в одиночестве. Несколько позже в будуаре с сине-золотыми стенами происходит любовная сцена, после чего очень красивый юноша и девушка засыпают. Потом она просыпается и рассказывает свой сон.

ДЕВУШКА

Мне снилось, что камни и бревна парят в воздухе так, что камень можно потрогать снизу, а под ручьем пройти, как под мостом. Немного дальше ручей превращается в водопад, но вода в нем падает вверх, к небу и звездам. Во сне я подняла руку, зачерпнула немного воды из ручья, с самого его дна, и напилась...

Скорпион и водолей

Скорпион

Во времена и во дни благоверных и всеблагих, христолюбивых и самодержавных деспотов Стефана и Грга, в месяц черешняр, в Звижде, где Дунай слышен ночью, а луна никогда не видна, паромщика Прохора Гомаца застigli в блудодеянии, к которому он склонил дочь Челядина Авранезовича, а на члене Прохора был надет огромный печатный перстень с выгравированной буквой Г. В наказание и чтоб больше не соблазнял женщин, этот самый перстень вдели ему в нос, как вдевают кольцо в рыло борову. Отобрали штаны и охотничий нож с ручкой из заячьей ноги и голого выгнали из села.

– Сколько раз ты была с ним? – озабоченно спросил после этого отец, Челядин Авранезович, свою дочь Филиппу, у которой Гомац был первым и, как она верила, последним. Она солгала, что была с ним только один раз. А на самом деле – два.

В первый раз, как-то утром, Прохор спросил ее, проходя мимо:

– Ты коз доить умеешь?

– Умею, – храбро ответила Филиппа.

– А козлов доила?

На это Филиппа опустила глаза и утвердительно кивнула.

– Меня не подоишь? – спросил Гомац, и она доила его до тех пор, пока из него не потекло молоко.

– Что это? – спросила она.

– Семя.

– А где же пашня?

– Ты моя пашня. Женщина – это пашня. Женщина – это и кровь, и молоко. Враждующие кровь и молоко. Несмешивающиеся. Только мужское семя может их примирить и смешать. Я покажу тебе как.

Тут Гомац надел на свой член огромный перстень с печатью и лишил ее девственности...

Так это было в первый раз. Во второй раз их схватили и разлучили. С тех пор каждый вечер, вместо того чтобы есть, Филиппа безутешно пролиwała слезы по своему любимому. Сначала она их выплакала в горшок с ухой, на завтра в миску с тушеными овощами, потом в хлебную похлебку с луком и, наконец, в кашу с творогом. После чего однажды вечером вытерла косой слезы, поела крапивы, сваренной с бараниной, и решила написать своему возлюбленному письмо. Филиппе Авранезович лет было столько же, сколько у человека пальцев на руках и одной ноге, и ей все еще снилось, что она сосет грудь своей матери, наяву давно уже покойной. Девушка была красивой, как пасхальное яичко, и неграмотной, правда, из песен, которые ей напевала бабка, она знала, что вообще-то довольно грамотные князья и княгини, а иногда даже и просто влюбленные парни и девки пишут друг другу письма или «маленькие книги», как их называли в народе. А так как вспоминала Филиппа об этом чаще всего уже в постели, перед сном, однажды ночью ей приснилась святая Пятница, которая пришла в мона-

стырь Далша и по какой-то огромной книге за одну ночь научила Филиппу читать. И перед пробуждением пообещала, что за следующие ночи научит ее еще и писать.

Не веря своему счастью, Филиппа с утра пораньше побежала в монастырь и до тех пор надоедала одной из инокинь, которая прислуживала жившим в монастыре писцам, пока та не отвела ее в небольшую келью на монастырском постоялом дворе. Тут она показала ей разные приспособления для письма, перья, ножи, чернила, чистую и исписанную бумагу. Все это инокиня подготавливала к работе в сенях кельи, в которой дьякон с Афона занимался переписыванием книг. И в это время прямо здесь, в сенях, произошло нечто страшное, нечто одновременно и восхитительное, и поразительное.

К великому изумлению и монахини, и самой Филиппы Авранезович (трудно сказать, кто удивился больше), девушка вдруг совершенно свободно прочитала фразу из рукописи:

«Но согласие тьмы к свету не едино же, ни причестия верна с неверными».

Поняв, что она теперь умеет читать, Филиппа как зачарованная принялась зачитывать все подряд, а когда ей попала история о первых любовниках, Адаме и Еве, она не смогла бросить чтение до тех пор, пока не добралась до конца. Напуганная всем этим, она расплакалась, но инокиня утешила ее и отвела домой.

С тех пор Филиппа каждую ночь молилась о том, чтобы святая Пятница снова пришла к ней во сне и научила ее писать. Но святая Пятница не приходила. Девушка снова побежала к инокине в монастырь Далаша и спросила ее:

– Я так хочу научиться писать. Почему святая Пятница больше не приходит ко мне во сне?

– Все мы слуги греха, и многое знать нам не дано, – ответила ей монахиня. – Святая Пятница видит будущее, а мы его не видим.

Так что Филиппе оставалось только по-прежнему мысленно сочинять по ночам в постели одно и то же письмо своему изгнанному любовнику. Письмо это было об Адаме и Еве, то есть о Филиппе и ее бесценном красавце, который, тоже неграмотный, скитался по свету с кольцом в носу.

«Бог сотворил нас соединенными в одно существо, – так в мыслях писала она ему, лежа в своей постели. – Он создал нас как одно существо, а потом, чтобы этому существу не было одиноко, разъединил нас. Тогда появился змей и начал нас искушать. Мы жаловались на него Богу, но он сказал: “Сатана за свои дела ответит сам, вы же смотрите за своими”. Тогда еще не было известно, кто какого пола. Не было известно ни кто ты, ни кто я, то есть тогда еще не различали, кто Адам, а кто Ева, кто из нас двоих мужчина, а кто женщина. Сатана нас уговорил откусить от яблока, от плода с древа познания добра и зла. Тот из нас, кто первым откусил от яблока и сделал в нем отверстие, стал Евой, – это была я, а тот, кто откусил после меня и добрался до семян яблока, стал Адамом – это был ты, любовь моя. Неужели мы разлучены навек?..»

– Нет! – воскликнул с порога Прелюб Авранезович, сын Челядина и брат Филиппы, который, вернувшись с войны, как раз в этот момент появился в дверях и как будто прочитал мысли своей сестры. Его неожиданное возвращение перепугало и Филиппу, и отца. Прошло полтора года с тех пор, как Прелюб отправился наемником в Валахию, и вот теперь он вернулся весь в ранах, совсем не похожий на того, каким был, когда его провожали на войну. Где-то в Трансильвании его изрубили саблями, и теперь отец и сестра не знали, вернулся ли он домой вампиром или живым человеком. С ужасом поглядывая на него, заварили ему чай из боярышника, а Скоромник (так его прозвали монахи из местного монастыря за то, что он никогда не постился) уселся под полку с горшками, горячий, высохший, как кизиловая палка, с изуродованным глазом. Сидит и слушает огонь в очаге. Считалось, что он понимает язык

огня. Так же, как некоторые люди распространяют вокруг себя запах, он распространял страх. Неожиданно Скоромник испустил свист длиной в пять аршин и заговорил:

– А что, если я расскажу вам один сон? Правда, на войне видеть сны нежелательно. Отчалить в сон, отгребешь на версту, а пока вернешься, можешь распрощаться с головой, и тогда уж, как ни крути, для тебя нет пробуждения. Мы и обедали, и ужинали на ходу, в бою, не прекращая резни. Поэтому на войне я предпочитаю не спать, а плавать по чужим снам. Вот в одном таком чужом, не знаю даже чьем, сне приснился мне наш дом и этот очаг, и я подивился, откуда в чужом сне, да еще в Валахии, взялся наш дом и этот очаг. Как бы то ни было, приносят мне и вручают, там же, во сне, какое-то зеленое письмо, прошитое желтой ниткой. И говорят, что в нем – хочешь верь, хочешь не верь – содержится большая тайна. Сунул я его на полку между этими горшками и сковородками и вынырнул из чужого сна. Только оказался в яви, как вспомнил, что забыл во сне зеленое письмо. А коль сон этот был чужим, как же мне опять в него попасть? Как найти и сон, и письмо в нем, если сон чужой? Тут вспомнил я, что сон был соленым, как морская вода, и быстро-быстро, чтобы успеть, пока окончательно не пришел в себя, поплыл, высунув язык, подряд по всем снам, отыскал-таки полку с горшками и сковородками и взял зеленое письмо. Сорвал печати, распорол желтые нитки, и из письма выпала большая тайна. Стал читать, а как раз из письма-то и видно, что сон чужой и что на самом деле в этом сне читает кто-то другой, ведь я, как вы знаете, читать не умею. Так вот, в письме этом ясно написано, что в Голубацкой башне, в покоях у воеводы, то есть у кира Еремии, над постелью есть стекло, чтоб в него смотреться, в углу висит икона святой Параскевы, а под полом клад спрятан. Если встанешь так, чтобы в стекле отразилась икона, значит, ты на том самом месте. Ногами через половику почувствуешь крышку, под которой горшок с дукатами... Да только все равно добраться до этих денег не так-то просто. Чтобы сокровищем завладеть, надо сперва убить воеводу Еремию. А воевода хитер, как иссоп, мудрейшая из трав. Ни венгры, ни сербы, ни турки не знают его мыслей. Люди говорят, что всегда, и за обедом и за ужином, кушанья ему накладывают в желтую миску из обожженной глины, и миска эта синее, если в еду подложен яд. Так что никто из мужчин не может жизни его предел положить...

С этими словами брат перевел тяжелый взгляд на Филиппу и продолжил:

– Но, правда, для хорошо подученной женской прислуги это труда не составит, особенно если принять во внимание, что Еремия любит, чтобы за его бельем и одеждой смотрели женщины помоложе да покрасивее, и именно такие всегда крутятся возле его постели... Я все это знаю потому, что и сам нанялся служить к воеводе Еремии. И сумею ему пригодиться. А уж если я днем присмотрю себе яблоко, то ночью без труда его камнем собою. Пригожусь я и вам двоим. Смотри, Филиппа, для твоего же блага стараюсь!

Тут у Филиппы от страха порвалась в руках нитка, которой она шила. А брат подошел к ней и прошептал:

– Я знаю такое, что тебе и не снилось, Филиппа. Потому что умею видеть через семь мраков. В этой стране мы защищаем двух враждующих деспотов, и никогда не разберешь, за кого из двух турецких царей выступают люди, против которых ты бьешься. Одни говорят, что они за этого – царя Мусу, другие, что за того – царя Сулеймана. Вот и смотри, к какой стороне прибьешься. А еще венгры, того и гляди, перейдут реку. С ними придет из Валахии голод. Так что сюда может нагрянуть любое войско, и легче огонь спрятать в соломе, чем женщине укрыться от вооруженных людей. Сама знаешь, на что они способны. Придется соглашаться и на то, что выше твоих сил. Вот и выбирай. Хочешь оставаться здесь, под ними, а они будут со дня на день, самое позднее через год, потому что венгры уже строят святому Владиславу крепость по ту сторону Дуная? Или подашься к господину Еремии, в башню на Голубаце, в его шелковую постель. А всему остальному я тебя научу. Так же, как меня научил арабский лекарь Яшкура.

После этого Скоромник Авранезович запер свою сестру Филиппу на ключ в горнице, сказав ей:

– Сестра моя невеста, придется тебе два дня и одну ночь потерпеть без еды да воды. Позже все поймешь. А пока не скучай.

И протянул ей маленький коробок, сплетенный из ивовых прутьев, какие обычно делают, чтобы держать в них сверчков. И в этом тоже сидел сверчок. Кроме него Филиппа нашла в коробке еще три небольших подарка, которыми брат решил развлечь ее. Желтую губочку – чтобы стирать пот, рыжую губочку – утирать слезы и крохотную книжку, заполненную крупными разноцветными письменами. Оклад ее был сделан из панциря белой черепахи.

«Наверняка он украл все это», – подумала Филиппа и разрыдалась. Она услышала, как вместе с ней во весь голос запричитал в коробке сверчок, потом отерла желтой губкой слезы и, лежа в постели, взялась за книгу. Текст она складывала по слогам вслух:

Лето и весну Господь создал,
о чем и псалмопевец рассказал,
красоты в них многие,
для птиц быстрый,
веселья полный лет
и для гор вершины,
для лугов пространства,
для полей широту;
воздуха тонкого
дивными какими-то
голосами оглашение;
и земные дароносы
ароматных цветов и травоносные;
но и человеческой сущности самой
обновление и веселие
достойно кто выразит?..

На дворе стоял мрак, такой густой, что сунь в него палец, останешься без пальца, сверчок пел в своем заточении, а Филиппа читала как зачарованная и не могла оторваться от этого чтения. Звучание каждого слова принимало форму ушной раковины и плотно обволакивало ее. Два страха – один из тела, другой из души – следили за ней, и она не решалась прервать свое чтение по складам. Филиппа боялась, что стоит ей умолкнуть – и она потом не найдет того места, на котором остановилась, не найдет больше своего голоса, если замолчит. Так, продолжая читать все дальше и дальше и надеясь, что скоро доберется до конца, Филиппа, так и не добравшись до конца, обмочилась прямо в кровати...

На третье утро Скоромник Авранезович принес своей сестре Филиппе, бледной после двух дней, проведенных без сна и еды, лилию и живого скорпиона в стеклянном стакане от кадила.

Он рассказал ей:

– Ты родилась в средний осенний лунный месяц, под восьмым зодиакальным знаком, то есть Скорпионом, где Марс, бог войны, находится в своих владениях. Здесь он господствует. Скорпион относится к стихии Воды, это женский знак. Солнце проходит через твой знак с 23 октября по 21 ноября. Главная звезда твоего созвездия Kiffa Borealis (Beta Vega), это «дьявольская ступень». Вырезанный знак скорпиона ты видела на деревянных печатях, таких, как просфорник... А девиз твоего созвездия такой: «Он одевается светом, как ты платьем, пусть же оденет и нас! Что в нем кто найдет, пусть расхватывает и растаскивает».

– А здесь живой скорпион. Представь, что это воевода Еремия. И представь, что стекло – это губы Еремии. Теперь поцелуй его.

Тут Скоромник Авранезович намотал косу сестры себе на руку и заставил ее плюнуть в стакан со скорпионом. Почти тотчас же скорпион от слюны Филиппы издох.

– В этом и кроется твоя сила, – сказал брат насмерть перепуганной Филиппе. – Теперь стоит тебе поголодать, как твоя слюна станет ядовитой. И будет оставаться ядовитой до первого глотка воды или вина. Но эту силу ты можешь обрести снова, как только пожелаешь. Я отведу тебя в Голубацкую башню, а ты попросись, чтобы тебя как белошвейку приставили к воеводичьей постели, – ты красивая, понравишься ему. Сама знаешь, плохо прикрытая женская улыбка стоит больше, чем та, которую трудно разглядеть. Не забывай об этом. Еремия наверняка примет тебя на службу. Ничего не бери в рот два дня и одну ночь, а когда после этого поцелуешь его – сдохнет, как этот скорпион. Дальше все ясно. Все будет, как во сне. И помни, что говорят греки: в жизни самое важное дело – это смерть...

Водолей

Однажды утром, накануне Дня святого Илии, монахи из монастыря Далше нашли на берегу Дуная молодого парня, голого, красивого и окровавленного, – он лежал без сознания неподалеку от монастырского постоялого двора. Обмыли его ракией, увидели, что в носу у него кольцо, как у борова, и по этому кольцу поняли, что парень этот из тех, кто бегают за чужими юбками. Дали ему рубаху и пустили переночевать на конюшне, а наутро один инок со Святой Горы посоветовал ему не пытаться самому избавиться от кольца, потому что можно остаться без носа. . . Парень с ужасом смотрел на склонившееся над ним лицо инока с улыбкой, полной зеленых, красных и синих зубов, в которых писарь, сам того не замечая, ковырял пером, украшая заглавия книг.

– Иди вдоль Дуная, пока не дойдешь до первого источника, – говорил ему монах. – Рядом с колодцем увидишь кузницу, а в ней кузнеца, который умеет снимать кольца таким, как ты, и при этом не разворотить нос. Когда нос заживет, отпусти усы, и никто не увидит, что ты меченый. А теперь иди с Богом и впредь держи ум в сапогах.

– Что держать в сапогах? – недоуменно спросил парень, хотя как раз сапог-то у него и не было, и тут же замолчал, потому что даже эти несколько слов дались ему с трудом. Инок ответил:

– Здесь, как проголодаешься, нет для тебя ни постоя, ни добычи. . .

На расстоянии человеческого голоса от Голубацкой крепости, вниз по течению, есть на Дунае теплый источник. За упокой чьей-то души здесь устроен питьевой фонтанчик. Трубка фонтанчика, сделанная из меди в форме мужского члена, выбрасывает вверх струйку теплой воды. Золотистая верхняя часть всегда мокрого фонтанчика, отполированная прикосновениями многих жаждущих губ, сияет на солнце. А в те ночи, когда нет лунного света, женщины, страдающие бесплодием, тайком пробираются к нему, чтобы воспользоваться теплой водой как целебным средством, но принимают ее не в рот, а так, как приняли бы мужчину. Потому что женщина испытывает не только ту жажду, какую испытывает мужчина, но еще и другую.

Вот здесь-то, в кузнице возле источника, однажды утром парню сняли с носа кольцо, он умылся и напился воды из фонтанчика. На следующую ночь он пошел в лес, прислонился спиной к дереву, обхватил его руками у себя за спиной и устремил взгляд к звездам. Так он изгнал из себя злую силу и боль.

К зиме у него выросли густые черные усы, которыми он мог чесать нос, шевеля ими и вправо, и влево. Он снова был так же красив, как прежде, но без гроша в кармане. Ночевал он в одном из домов под крепостной стеной Голубаца, на чердаке, в старом деревянном корыте для замешивания теста. Лежа в темноте, он слушал, как за стенами дома, в ночи, на морозе трещат и лопаются от холода оставшиеся на ветках яблоки. Как-то вечером он проснулся, почувствовав на своем лице сквозь ледяной лунный свет чью-то улыбку. Открыв глаза, он увидел в углу возле печной трубы прислонившегося к ней человека.

– Как тебя зовут? – спросил незнакомец.

– Прохор, – ответил парень и только после этого испугался, но незнакомец сделал ему знак продолжать спать. И забормотал что-то, что Прохор едва слышал сквозь дрему, хотя, судя по всему, это бормотание имело к нему прямое отношение:

– Ты родился во второй зимний лунный месяц, под одиннадцатым знаком, это знак Водолея. Его созвездие расположено вблизи небесного экватора. Оно находится во власти планеты Уран, и его кольцо оставит на тебе след. Солнце проходит через твой знак с 20 января по 18 февраля. Ты прославишься, если переживешь свой 25-й год, но не сразу, потому что к вам, родившимся под знаком Водолея, принадлежащим к стихии Воздуха,

знаком мужским, активным, слава приходит медленно... От воды жди и самого хорошего, и самого плохого. Ты будешь удачлив во всех делах, связанных с водой, но и смерть твоя придет от воды. Умрешь ты без ран, лежа навзничь... Девиз твоего созвездия ясен: «И смерть и жизнь в языке. И та и другая быстро прорастают! Но один их сеет в свое тело, другой же – в свою душу...»

– Сам знаю, – сказал Прохор равнодушно, встал, потянулся и уступил незнакомцу нагретое место в корыте. Тот тут же захрапел, а Прохор тут же принялся обыскивать его карманы в надежде найти хоть немного денег. Но ничего не нашел и подумал: «Этот вроде меня – церковная мышь».

Обшаривая пришельца, он по его одежде догадался, что перед ним отслуживший свой срок солдат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.